

было. В среде самих народов отдельные его части стояли и рука об руку и против себя. Иногда только проявлялась сознательность народов, но осознанного народностного принципа не было. Только реформация и ренессанс начинают осознать его. Говорит великий чешский философ и мыслитель Массарик.

Идея национальности, как теперь ее понимают, начинает устанавливаться с конца прошлого столетия. Поэтому нет ничего удивительного, что мы постоянно встречаем отпор против этого понимания национальности у людей, которые были воспитаны на взглядах прошлого века, или же еще не приобщились к взглядам науки нашего времени. Разве не разительно то, что замечаем мы это явление не только у российской, но даже и у нашей казачьей интеллигенции, воспитанной именно на понятиях вцепленных российской школой?

Этот принцип появляется как особое и очень сильное чувство, как любовь к материнскому и к целому быту народа, говорящего тем же самым языком или очень приближенным к нему и любовь к земле, на которой эта народность живет (Масарик). Это есть **модерный патриотизм**. Народностный принцип приобретает силу в Европе с XVIII ст. и процесс индивидуализации происходит так сильно, что появляются пробы осуществления самостоятельности таких племен, языки которых и диалекты до сих пор даже и не культивировались. Что же в этом удивительного, когда Казачество теперь стремится к осуществлению этого принципа в своей массе?

История нас учит, что народность могла развиваться там, где чувство ее, как только возможно в широкой мере, охватывали все ее слои: такую возможность дает и давала демократия, а Казачество с покон веков было демократично.

Для широких кругов просвещенной интеллигенции Востока Европы этот процесс среди Казачества был неизвестен, ибо проявления его, равно как и исследования в этой области, были жестоко наказываемы, а официальная наука обслуживала

идею единого русского народа. Вообще, мы часто не видим племенного бытия и рас там, где они в действительности существуют. В глазах европейца Китай представляется единоплеменным, точно также как и Россия (СССР) только с единой русской народностью! Для китайца же, в свою очередь, все европейцы кажутся одноплеменными. Точно также, в свое время испанцы, открывшие Америку, считали, что индейские народы ее являются одной семьей, хотя, в действительности, между ними было около 500 народностных разновидностей.

Именно по этому на Казачество смотрели и смотрят так, как будто оно было нераздельной составной частью единого русского племени, хотя, в действительности, оно никогда в своей истории таково не было.

Казачество прошло все первоначальные степени человеческого развития. Начиная от примитивных форм жизни охотничье-рыболовных племен, через воинственный номадизм, который, в силу особых условий, удержался даже до начала XVIII ст., оно пришло к современным нам культурным формам жизни, неизменно сохраняя в своей эволюции, от времен прадревних до нашего времени, типические черты племенного характера.

В этом процессе из того расового агломерата, каким Казачество представляется в прошлом и настоящем, создается **нация в современном научном понимании этого слова**, со всеми ее характерными особенностями.

Соглашаются ли с этим наши казачьи друзья и противники, или нет, никакого значения для нас не имеет. Факт остается фактом, если его даже и отрицают. Казачество идет по историческому пути, в эволюции своего самобытного процесса, и, естественно, приходит само по себе, вне зависимости от желаний или нежеланий, пытающихся не видеть очевидное, к завершению этого процесса.

Национальная осознанность Казачества является фактом и приведет к ее завершению — воссозданию казачьей государственности в национальном казачьем государстве — Казакии.

Ш. Нимичов (ЧСР)

ИЗ ЗАДАЧ ВТОРОГО ДНЯ*)

Основная задача казачьих националистов по своему характеру и размеру относится к разряду таких, для удачного решения коих требуются особые условия, особая политическая обстановка, создание коих не по собственным их силам. Поэтому живые силы движения обречены на невольное ожидание соответствующих событий, до наступления которых, когда может быть приступлено к практическому осуществлению постановленной цели, мы, как и националисты иных закабаленных Россией народов, принуждены заниматься только внутренней и внешней идейной пропагандой, организационной подготовкой собственных сил и намечением тех важных работ, которые предстоят впереди.

Исходя из этого положения, нам можно говорить не только о самом главном (об освобождении),

но и о задачах второго дня по освобождению, о тех работах и мероприятиях, кои необходимо будет провести в качестве первых шагов нашего государственного строительства. Это важно потому, что заранее намеченная и спроектированная работа бывает легче и лучше проводима, чем работа, которая, что называется, нагрянула, как снег на голову.

Находясь не одну сотню лет под властью русских, Казачество не могло избежать печальных последствий этого положения, как и всякий иной, надолго закабаленный народ. Одним из главных и очевидных последствий этого подневольного положения является то, что Казачество к данному времени стало **неполной нацией**, т. е. такой, у которой в собственной народной структуре отсутствуют некоторые общественные элементы, выполняющие важные функции в жизни организованного народо-государства. Находясь под властью русских, Казачество постепенно превратилось в один из подсобных слоев этого народа, выполняющий определен-

*) Мысли о структуре города и деревни и их взаимоотношении заимствованы из труда изв. укр. социолога М. Ю. Шаповала в изложении Б. Н. Уланова в его докладе.

ную и узкую функцию жителей хуторов и станиц, в сельско-хозяйственный класс, являющийся материалом для жизни и деятельности городов, населенных иными народами, преимущественно представителями народа господствующего.

А наука учит и жизнь подтверждает, что „во всем мире города управляют деревнями и нигде наоборот. В жизни всякого народа лишь городские составные агрегаты являются сосредоточением управляющей силы“.

В этом, между прочим, и кроется причина того, что много больших, воинственных и сильных народов исчезло с течением веков с арены мировой истории, а иные малые и слабые народы сохранились тысячелетиями. Те народы, которые не сумели организовать собственные города, как жизненные центры, исчезли, и сохранились только те народы, которые организовали свои города и вокруг них объединились.

В чем же тайна этой силы города и каков его механизм? . . .

Основание этой силы обуславливается материальной, экономической, социальной, культурной, психической и политической организацией города.

1. Материальная организация.

Город и деревня (хутор, станица, аул, хотон, кишлак, село) резко отличаются уже по своим внешним признакам — постройками, размерами и типами их, материалом из которого они сделаны: дерево, глина, хворост, войлок, кожа, солома, камыш, если камень, то в крайне примитивной отделке, небольшие и примитивные постройки в деревне; кирпич, всех видов камни, железо-бетон, сталь и стекло в городе; невылазная грязь или тучи пыли в деревне; поливаемые и подметаемые автомашинами улицы в городе; примитивное пользование часто грязной водой из тех же источников, где поят скот, в деревне жуть и тьма по ночам, феерическое, электрическое и газовое освещение, прекрасные и громадные общественные постройки в городах, полное отсутствие таковых в деревнях телеграф, телефон, радио, автобусы, трамвай и автомобили в городах, как средства связи и общения, и полное отсутствие их в деревнях.

2. Экономическая организация.

Город есть соединение людей, оторванных от земли, т. е. от земледелия, скотоводства, рыболовства и т. д. Они обрабатывают разные материалы (сырье), ведут промышленность, организуют и ведут обмен продуктами промышленности, а также и продуктами сельского хозяйства. Они ведут, регулируют и руководят системой денежного и кредитного оборота. В городе реализуется земельная рента и сосредотачивается прибавочная стоимость. Поэтому капиталы собираются в городе и раскладываются между социальными элементами города. Какие бы ни были изменения в распределении капиталов, но главная их масса функционирует и остается в городе. По всем видам путей сообщения, со всех сторон, стекаются в город громадные материальные ценности. Даже сам город, как таковой, нередко является собственником огромного экономического добра.

Деревня ничего подобного не имеет. Она доставляет в город продукты земледелия, скотоводства, рыболовства, охоты, по ценам, которые

вырабатывает и назначает город, как рынок, как биржа, как законодатель и как правительство.

3. Социальная организация.

Занятия и интересы деревни определяются землей и ее свойствами. Город социально дифференцирован соответственно своим функциям: промышленники-капиталисты, торговцы — капиталисты, финансисты — капиталисты, их служащие (люди умственного труда) и работники (люди физического труда), люди администрации, люди культурного труда: ученые, писатели, художники и т. д.; политические, профессиональные, религиозные и т. п. группы, юридически привилегированные, с ограниченными правами и т. д. и т. д. Город это — соединение всех разных групп в один агрегат, **связанный необходимостью отношений**. Каждая группа зависит от другой, а не от земли. Главное: в городе человек зависит от человека, а в деревне от земли. Деревня, с точки зрения занятий, — однообразие, город — бесконечное разнообразие. Деревня поэтому социально слабый агрегат. Город есть отдельная от земли система социальных отношений, а деревня — механическое собрание отдельных семей, больше связанных с землей, чем с соседями. Социальная природа города и деревни полна контрасту. Город связан социальной солидарностью, а деревня связана соседством, родственной связью.

4. Культурная организация.

Прежде всего город есть центром для развития человеческого знания, научно организованного. То, что называется наукой, есть продукт города и служит для удовлетворения требований, рожденных городом. Университеты, техникумы, различные ученые институты, библиотеки, типографии и т. д. организованы городом на почве его потребностей. Промышленность со всей системой машин, инструментов, со всеми их комбинациями, торговля со всей системой транспорта все это продукт города, выражение его потребностей, функций и знаний, организованных наукой. Искусство, архитектура, музыка, литература, театр и т. д. и т. п. — все это создал и развил город, а не деревня.

Деревенская архитектура не идет дальше постройки жилищ из дерева, глины, соломы, кизеков, войлока, шкуры, а музыка дальше песни и игры на примитивных инструментах, живопись дальше примитивного орнамента, литература дальше устной словесности, передачи слова словом, а не символизация мыслей и чувствований в предметах, не фиксация их в форме организованной материи.

Организация распространения человеческой мысли и слова это дело города. Письмо и печать дал город. Почта, телеграф, телефон, кинематограф, радио и т. п. все это дал город. И вся эта культурная работа идет в сложном социальном пространстве, несмотря ни на какую погоду, ни на какие события. Даже для деревни город дает возможность лучшего познания и использования земли: машины, химию и науку о земле и ее свойствах дает город, а деревня без города тысячелетиями жила бы одним своим эмпиризмом, не отмечая ни одного научного изобретения. Сама историческая наука стала возможной только с появлением письма, а письмо дал город. История создана городом, а деревня, не зная как творить историю, не знает своего прошлого. Город регистрирует, записывает, материализует слово и мысли тысячи лет, а деревня и теперь

не идет своими воспоминаниями дальше трех поколений.

5. Психическая организация.

Человеческая личность творится под влиянием трех факторов: наследственности, среды и воспитания. Хотя основы нашего — Я, полученные по наследству, нас характеризуют, но навряд ли нужно доказывать, как часто условия нашего труда, профессии отзываются на физических и духовных наших особенностях, а это и значит влияние среды и условий работы посредством воспитания.

Действительно психологические свойства горожанина и селянина отличаются. Прежде всего интеллектуально. Житель деревни не знает науки. У него есть знания об эмпирических фактах, но это знание не научное: явления и факты не объясняются причинно, они не классифицированы, зависимость между ними селянин понимает в очень малой степени. Поэтому его взгляд мифологичен, религиозен. Миром управляет не причинная связь, а чудо, дух, Бог. Сам человек ничто и ничем не управляет; он должен лишь приспособиться к чужой воле: Бога, духа, чорта; ему приходится прилаживаться, упрашивать, вымаливать. В своей работе селянин не знает ни формул математики, геометрии, механики, физики, химии, биологии, социологии, логики и т. д. Жизнь и работа селянина идут без приложений научного знания. Земледелие и скотоводство ведутся спокон веку на основе дедовских заветов, суеверий и предрассудков. Селянин и родится и вырастает в атмосфере суеверия, которое для него играет роль реального мира. Ни к чему не прилагается доказательство, как единая основа положительного знания, а всюду орудует понятиями чуда, откровения, мифа, легенды, заговоры, молитвы, этот духовный мир его лишен науки.

За то горожанин: промышленник орудует сложной системой экономических и технико-научных понятий; торговец, когда он поднялся выше физической работы, орудует сложными рассчитанными психологическими категориями. Мышление торговца, финансиста насквозь проникнуты спекулятивно абстрактными категориями. Деятель науки, администратор, торговец, его служащий, даже работник — все они познают природу социальных связей, причин и последствий, зависимость человека от человека, связанных продуктами труда.

Деревенская община, как организация, стоит изолированно от других общин; политическое управление в пределах общины отмечается узостью и примитивностью интересов и дел. Селянин природы своих связей с городом не знает, а город очень хорошо знает и управляет деревней. «Во всем мире города управляют деревнями и нигде наоборот» — точный вывод науки. Социальной связи с человечеством за пределами деревни селянин не чувствует: город, государство, нация, даже уезд для него вещи темные и непонятные. Его чувства отмечены грубостью, неподвижностью, взрывчатостью, а чувство человеческого достоинства развито слабо. Селянин мог быть сотни лет крепостным рабом, а горожанин на это не годится. Вот почему все революционные движения зарождаются и процветают среди городского населения. Знание селянина ненаучно, а религиозно-мифологическое, чрезвычайно слабо своей социальностью, вытекающей из работы возле земли и скота. Сложности людской

общественной организации не представляет, ибо своими интересами редко выходит за деревню.

6. Политическая организация.

Город есть центр политической жизни целого общества. Город есть творцом решительно всех общественных идеалов. Село управляется одним старостой, как когда-то род старшим, что есть отображение главы семьи. Деревня живет примитивной демократией, пределы компетенции и интересов которой определяет город. Сложная система демократического правительства выработана городом, который создал государство не только из себя (города-государства древней Греции, Италии, Ганзейского Союза и т. д.), но государство, как замкнутую политическую единицу с огромным количеством сельских единиц вокруг себя. Город в этом пространстве есть центр, который дает закон и тип жизни всей округе. Город кровавой борьбой добыл себе автономию, местное самоуправление, город не склонился перед рабовладельцем, который владел людьми, как скотиной, только в деревне. Когда-же деревня восставала против владельца — эксплуататора, то она знала только как мотить — резать, жечь и разрушать, но совсем не знала, как организовать и управлять жизнью социального целого. Она была беспомощна в общественно-политическом строительстве. Деревня не имеет партий и не знает партийной жизни, так как она не знала власти и борьбы за власть, мотивов этой борьбы. Когда в 1917 году в России вспыхнула революция, многомиллионное крестьянство не приняло в ней участия со своими самостоятельными пожеланиями, с собственной организованной волей и, будучи в огромном большинстве, пошло за городом, за городским рабочим большевизмом. Покорность деревни перед городом — в этом разгадка и большевизму и революции. После, когда большевицкие издевательства над деревней перешли всякие границы и обнаружился обман крестьянства, деревня хотела было реагировать, но город кровью и железом подавил и покорил его своей воле.

Из изложенной природы города и деревни становится ясной могучая сила и неизмеримая роль города жизни народа и слабость и беспомощность деревни.

Мы, казаки, на своих землях на громадный процент представляем из себя провинциальное население — жителей хуторов и станиц, а те немногие казаки, которые затерялись как-то в городе, являются там низшим общественным слоем. Следовательно, в системе распределения общественных функций казаки выполняют узкую и низшую — земледелие, скотоводство и физический труд в различных областях, а чужие ведут культурную работу, т. е. имеют за собою все виды функций, относящиеся к высшей интеллектуальной области человеческой деятельности. Казаки — хутора, станицы, а чужие — города. А города управляют деревнями, эксплуатируют их при всяких обстоятельствах.

Следовательно, если мы политически освободимся из под власти другого народа, а города по прежнему оставим в руках иных народов, то наше освобождение мало что изменит в нашем положении, так как экономически и культурно порабощенная, отиснутая на положение трудовых масс целая нация всегда будет объектом эксплуатации со стороны фактически господствующих т. е. горожан. Го-

род выполняет экономическую и культурную диктатуру над деревней. Если город находится в руках чуждых элементов, в руках других народностей, то вся огромная мощь города, вся неизмеримая его роль будет направлена во вред Казачеству.

Поэтому, если осуществление политической свободы и объявление нашей государственной независимости является целью и задачей первого дня, то овладение собственными силами городами на казачьих землях, организация собственного городского

общества, способного овладеть и управлять сложным городским механизмом, является важнейшей задачей второго дня.

Не презирать и не бежать из городов надо казакам, а идти в города, овладеть ими; силу и мощь городов обратить в свою пользу — вот насущная задача свободного Казачества. Без овладения городами добытая нами свобода будет половинчатой и соки наших труженников на ниве не будут идти в собственную национальную пользу.

Инн. В. Г. Глазковъ (ЧСР)

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Характерный для первой пятилетки стук молотков социалистической стройки сменился во второй пятилетке скрипом перьев, сточащих декреты об упорядочении диктатуры Сталина, ищущей новых основ и новых форм. После введения буржуазного галстука, иерархии военных чинов, ревизии учебников и абортот, пришла на очередь ревизия советской конституции.

Все эти „великие реформы“ Сталина подготавливаются и осуществляются в стране советов не в порядке установления подлинного демократизма, а в порядке заскоруженого бюрократизма сверху вниз. Сам проект новой конституции выработан в тайниках кремлевских комиссий, ныне одобрен ВКВКП (б) на июньском пленуме, что на практике советов предопределяет его единогласное „утверждение“ на специально созываемом съезде советов 26 ноября 1936 года.

Заграницей большевицкие пропагандисты, поклонники советов и политические перевертны из эмиграции, рассудку вопреки, пытаются доказать, что СССР становится цитаделью борьбы демократии против фашизма, а, между тем, проект новой советской конституции в основном вплотную, приближается к соответствующим конституциям фашистских государств.

Иностранцы, а вместе с ними и советские патриоты из эмиграции, предавались самым бессмысленным фантазиям, ожидая от новой „конституции“ перемены диктаторского режима в СССР, на нормальный. И как они мило ошибаются, ибо по советской конституции СССР по прежнему остается „социалистическим государством рабочих и крестьян“, т. е. государством исключительно классовым, где по прежнему будет практиковаться диктатура пролетариата, замаскированная легким покрывалом демократии.

Многие склонны видеть в советской конституции некоторую эволюцию ком-власти. Для человека, который следит за советской жизнью и знает все сдвиги, извороты и уклонки сов. власти, в проекте этой советской конституции почти ничего нет нового. Прежде всего, советская конституция не нова и не первая. Первая советская конституция РСФСР, была принята большевиками 10 июля 1918 года. Она ежегодно дополнялась и изменялась. Вторая конституция всего СССР была принята в 1923 году. Она также, подобно первой, продолжала изменяться и пополняться, а сущность коммунистической диктатуры при этом оставалась неизменной. Так и теперь — по существу вся власть продолжает оставаться в руках компартии, вернее — ее верхушки.

Новая советская конституция не приносит по существу ничего нового. Некоторая демократическая шелуха, кое-где проскальзывающая, стерта полным ограничением, что правящей партией является компартия, и что единственно она призвана к политическому управлению народом и страной. Эта конституция суммирует обе до-теперешние, вообще сохраняя организацию советов, которая вытекает из прежних опытов времен военного коммунизма и развития двух пятилеток. Изменяются названия главных государственных институций и точнее очерчиваются рамки их действий.

Наивысшим законодательным органом СССР, согласно проекта, является Верховный Совет, состоящий из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. В первый избираются делегаты по избирательным округам по расчету 1 делегат от 300,000 избирателей; во второй делегируют своих представителей, верховные советы отдельных республик и автономных нац. областей по расчету — союзные республики по 10 делегатов, автономные республики по 5 и автономные области по 3. Верхушка Верховного Совета называется Президиумом его. Он состоит из 27 человек и имеет весьма широкие полномочия. Необходимо заметить, что до-теперешняя многостепенная избирательная система заменяется территориальной и привилегии

рованное положение рабочих, которые раньше посылали одного делегата от 2000, ныне уничтожается, вводится бумажная уравниловка выборщиков.

Буйный, голый оптимизм иностранцев и многих эмигрантов принимает все написанное в проекте новой конституции за действительность, за чистую монету. Они в восторге от всеобщего прямого и тайного голосования, забывая, однако, что голосование будет проходить с запретом для всех партий, кроме казенной (коммунистической).

Кроме того, право выборов в действительности не является полной даже и на бумаге: каждый гражданин от 18-ти летнего возраста имеет право избирать и быть избранным, но не каждый гражданин имеет право выставить кандидатов. Это право оставлено на долю исключительно коммунистической партии.

В своем интервью с иностранными журналистами Сталин заявил, что право голоса будет бичем в руках избирателей к чистке недостатков советского аппарата и для устранения несоответствующих. Но вопрос в том — в какой степени это удастся. Выборные представители будут пользоваться правом личной неприкосновенности за свою полит. деятельность, но в то же время каждый делегат может быть в любое время отозван своими выборщиками. На первый взгляд этот пункт представляется сугубо демократическим, но на самом деле он служит гарантией того, что едва-ли кто из делегатов будет противоречить ком. власти, так как этим он ставил бы себя под угрозу быть „отозванным“, потерять право личной неприкосновенности и потом быть преследуемым. Естественно, такое положение будет отбивать охоту у делегата проводить мнения, которые бы шли в разрез с интересами правящей партии.

К тому же, согласно ст. 141 право выставить кандидатов предоставлено исключительно компартии, а та, конечно, будет выставять только своих партийцев, пропустил их при этом через весьма густое сито, а если в ком и ошибется, то она имеет право в любое время его отозвать.

Кроме того, статья 126 говорит: „Наиболее сознательные и энергичные граждане объединяются в коммунистической партии“. По смыслу этой статьи получается — кто выставил бы кандидатов не от коммунистич. партии, выставил бы его, значит, не из числа наиболее сознательных и энергичных!... В конечном счете получается, что фактически кандидатов в высший орган гос. управления выставляет само коммунистическое правительство.

Приблизительно также обстоит дело о „свободе“ печати, собраний и др., так называемых, основных гражданских правах. Эти права гарантированы тем, что трудящимся и их организациям предоставляются типографии, бумаги, общественные здания, средства передвижения, и другие материальные условия к пользованию этими правами, предоставленными конституцией.

Все это логично поскольку государство является хозяином всех этих средств, а так как правящей партией в стране является только одна компартия, то естественно, что и типографии, и бумаги и все прочее будет предоставляться опять таки только тому, кто будет поддерживать мероприятия правительства и популяризовать его „творчество“.

Как можно видеть, все эти свободы весьма условны и даже призрачны для советских граждан и отнюдь нельзя сравнивать понятия советских „свобод“ с понятиями нормальной демократической свободы.

В вопросе имущественных прав новая конституция идет так далеко, „как далеко“ шел до-теперешний гражданский закон и сделанные в прошлом году изменения в связи с введением сталинского устава о колхозах. В этой области „новый“ проект конституции не приносит ничего нового, кроме утверждения